

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук
Комментарий на Евангелие от Матфея¹

ХРИСТОВА ПРАВЕДНОСТЬ ТРЕБУЕТ ЦЕЛЬНОГО СЕРДЦА. 6:19–34

ИСТИННОЕ СОКРОВИЩЕ. 6:19–21

19 Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, **20** но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, **21** ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.

ЧИСТОЕ ОКО. 6:22–23

22 Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; **23** если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

ОТНОШЕНИЕ К ЗЕМНОМУ. 6:24–34

24 Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне. **25** Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? **26** Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? **27** Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе жизни хотя на один локоть? **28** И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; **29** но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. **30** Если же траву

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

полевою, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, сколько более вас, маловеры! **31** Итак не тревожьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? **32** потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. **33** Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. **34** Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы.

Возвещаемая Нагорной проповедью внутренняя праведность, которую Спаситель противопоставляет внешней праведности и соответствующему образу жизни фарисеев, – вот к чему призван человек Нового Завета. Но такой путь требует сердца, всецело и безраздельно обращённого к одной этой цели. **(19)** А поскольку у всех людей, включая и фарисеев со всем их безупречным исполнением закона, желание земных благ так или иначе заглушает это высшее устремление, Иисус со всей серьёзностью предостерегает от погони за богатством. И действительно, как неразумно человеку, предназначенному для вечности, растрачивать свою жизнь на приобретение преходящих сокровищ! Земные стяжания непрочны: они не защищены ни от внутренних, ни от внешних угроз.

Греческое слово βρῶσις Вульгата и другие переводы передают как «ржа». Однако такой перевод едва ли точен, поскольку в Септуагинте это же слово в двух местах (Посл. Иер., ст. 11 и 23) стоит рядом с ῥίος, то есть собственно «ржавчиной», и, следовательно, должно означать нечто иное. Вероятно, здесь имеется в виду какое-либо другое «поедающее» насекомое, например древесный червь, который точит дорогую мебель, тогда как моль уничтожает хранящиеся в запасе ценные ткани. Здесь это слово нужно понимать в его обобщающем смысле: наряду с молью оно обозначает всё, что разрушает земные сокровища. И в самом деле, есть много того, от чего человек не может уберечь своё имущество, как бы тщательно он о нём ни заботился: от крыс и мышей до ржавчины и всевозможной порчи. А если он и примет все меры предосторожности, однажды ночью в дом проникнут воры – и его драгоценности, плод долгого труда, бережливости и лишений, пропадут. **(20)** Поэтому лучше собирать себе имущество на небесах. Ни одно доброе дело и ни одно страдание ради Христа не остаётся перед Богом бесплодным (ср. 5:12): всё это становится непреходящим небесным сокровищем, которого не похитит вор и не источит моль и которое со временем *произведёт в безмерном приизбытке вечную славу* (2 Кор. 4:17). Но важнее всего здесь другое: **(21)** «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Человек

Нового Завета всем сердцем привязан к небу, и поэтому его мысли и стремления сами собой устремляются прежде всего туда.

Только такой человек способен правильно соотносить естественное и вышеестественное и потому составлять ясное и верное суждение обо всём, что касается его души. Иисус приводит в пояснение наглядный образ: **(22)** «Светильник для тела есть око». Когда человек идёт в гору в темноте, неся в руке яркий светильник, он хорошо видит тропу и замечает, где на его пути разверзается провал, а где лежит камень. В столь же благоприятном положении оказывается тот, у кого здоровые глаза. На греческом языке соответствующая фраза звучит буквально «если око твоё будет просто (ἀπλοῦς)». Но употребление этого слова в его прямом значении в подобной фразе несколько необычно. Поэтому оно чаще всего понимается в переносном смысле: «чистый, бесхитростный, честный и прямой». Чистому оку противопоставляется око πονηρόν – «худое», то есть злое, завистливое, недоброжелательное. В этом значении это слово употреблено в Мф. 20:15 («или глаз твой завистлив от того, что я добр?») и в некоторых местах Септуагинты. Но тут такой смысл не подходит, потому что тогда в сравнение ἀπλοῦς – πονηρόν привносилось бы определённое истолкование, притом неверное. Отправной точкой здесь должно служить другое употребление слова πονηρόν – а именно в значении «больной», встречающееся уже у Платона и Фукидида. Соответственно, ἀπλοῦς – «простой» – следует понимать как «неповреждённый», «здоровый». По всей вероятности, здесь сказывается употребление в Септуагинте греческих слов с корнем ἀπλ- для передачи еврейского תָּמַ (tām) – «цельность», «непорочность», «простота». Таким образом, Спаситель имеет в виду здоровый, нормально видящий глаз, который прямо, ясно и чисто устремляется на предмет и воспринимает его таким, каков он есть, без искажений, то есть правдиво. Ср. у Тертуллиана («Против Маркиона», I, 2): «человеку с больными глазами там, где висит один светильник, видится несколько».

Таким же должен быть и внутренний светильник, внутреннее око души, чтобы среди непроглядного тумана земной жизни ясно и отчётливо различать вечную цель и ведущие к ней пути. Будучи здоровым, это око не помрачается страстями, и его взгляд не уклоняется в сторону. Если же оно больно, окружающая тьма становится тем опаснее, что ведёт к гибели не временное тело, а бессмертную душу.

Конечно, всякий человек хотел бы избежать вечной гибели. Но вместе с тем он стремится и к земному счастью и потому пытается соединить одно с другим – земное благополучие и одновременно путь на небо. Однако совместить эти два пути невозможно. Они расходятся: **(24)** «Никто не может служить двум господам». Во

времена Иисуса действительно встречались рабы, у которых было два хозяина. Об этом свидетельствуют различные талмудические суждения по этому поводу. Они особенно ясно обнаруживают непреодолимые трудности в отношениях между рабом и его разными господами, о чём говорит Господь и что, следовательно, было хорошо знакомо Его тогдашним слушателям. Так и служить вместе Богу и мамоне столь же невозможно, – и даже ещё более невозможно. «Мамона» – арамейское слово неясного происхождения, означающее внешнее имущество во всей его совокупности: деньги, дома, поля, рабов и прочее. Греческий переводчик Евангелия от Матфея сохранил это слово, знакомое его читателям на слух, поскольку оно стало почти олицетворением богатства. Позднее отсюда возникло мнение, будто Мамона – имя сирийского божества.

Разумеется, произнося такое строгое определение, Спаситель выступает не против собственности или её владельцев как таковых. Иосиф и Мария имели небольшой дом в Назарете и необходимые орудия ремесла, которыми они, как впоследствии и Сам Иисус до тридцатилетнего возраста, зарабатывали себе на хлеб. Но всё, чем они владели, служило им средством для исполнения данного Богом призвания; имея собственность, они всей своей жизнью служили Богу, а не своему имуществу.

Иисус всегда последователен до строгости – и не только в собственной жизни, но и в том, к чему Он призывает других. Конечно, далеко не каждый стремится стать богатым. Многие люди вполне довольствуются тем, чтобы жить в достатке и пользоваться скромными жизненными благами. Но это может стать их главной целью в жизни, так что все их заботы и беспокойства будут связаны только с земным благополучием. Такие люди тоже служат своему имуществу. У них нет той внутренней свободы, которая необходима, чтобы всей неразделённой душой ясно и твёрдо устремить свой взор к вечной цели. **(25)** Поэтому Господь со взыскательностью говорит: «Не заботьтесь о вашей жизни – что вам есть, ни о теле вашем – во что одеться».

Выражение, употреблённое здесь Матфеем, весьма примечательно. Он использует не слово φροντίζειν, означающее заботу в смысле разумного обдумывания, взвешивания и соответствующего действия. Такой заботы Иисус вовсе не возбраняет. Напротив, она составляет долг человека, для исполнения которого Бог даровал ему разум и прочие душевные и телесные способности. Об этом долге напоминает апостол Павел во Втором послании к Фессалоникийцам: *таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в*

безмолвию, ели свой хлеб (2 Фес. 3:12). Матфей использует другое слово – *μερίμνᾱν*, происходящее от *μέριμνα* (тревожная, скорбная забота). Господь не хочет, чтобы мы настолько внутренне зависели от потребностей телесной жизни, чтобы изнурять себя тревогой и мучительными размышлениями о своих жизненных нуждах. Такая тревога и постоянное беспокойство раздваивают душу, рассеивают её в разные стороны и отвлекают от Бога. Этот оттенок значения слышится в самой этимологии греческого слова.

Требование Иисуса остаётся очень высоким. Он хочет освободить Своих учеников не только от привязанности к богатству; душа вообще должна быть внутренне независима ни от чего, даже от необходимого для жизни имущества, если она желает быть способной всецело устремляться к своей небесной цели и следовать к ней. Но Христос знает и то, насколько это трудно для нас, бедных людей. Тем немногим, чьи земные нужды хорошо обеспечены, легко предаваться безмятежным размышлениям о небесном. Но людям, которые ежедневно борются за существование, особенно если они несут ответственность не только за себя, но и за семью, почти невозможно остановиться лишь на разумном обдумывании своих необходимых действий и не дать тревоге и скорби увлечь себя дальше.

Да, Иисус знает это – из последующих наставлений становится ясно видно Его сострадательное и понимающее сердце: словно заботливая мать, Он подбирает одно за другим утешение для людей, измученных скорбями и тревогами. Но, как и следовало ожидать, все эти утешения основаны на вере. Чтобы понять, какой опорой становится вера, вовсе не обязательно обращаться к житиям святых. Достаточно внимательно присмотреться к жизни, а ещё лучше – самому иметь хотя бы немного подлинной веры, чтобы на собственном опыте узнать, какой великой силой она обладает. Вера даёт душе не только внутреннюю крепость нести испытания, даже если тело терпит голод. Порой она привлекает и внешнюю прямую помощь Божию к тому, кто, исполняя свой долг, сделал всё, что было в его силах, чтобы разумно позаботиться о себе, а затем с молитвой и терпением переносит ниспосланное Богом испытание. Поэтому Спаситель и увещевает: «Подумайте же: если Бог даровал вам более ценное – жизнь и тело, – неужели Он не даст и менее ценное – то, что необходимо для поддержания жизни? **(26)** Стоит только посмотреть на птиц небесных, которые с радостным щебетом перелетают с ветки на ветку. Они не сеют, не жнут и не собирают в житницы, однако Бог питает их». Конечно, Господь вовсе не хочет сказать, что и мы должны, подобно птицам, отказаться от труда и предоставить Богу одному заботиться о нашем пропитании и одежде – ведь именно к разумному и

целенаправленному труду мы и призваны. Но наши отношения с Богом, Отцом нашим Небесным, совсем иные, чем у птиц. Мы – Его дети, а потому в очах Божиих «гораздо лучше», ценнее всего остального творения.

Спаситель видит по лицам Своих слушателей, как охотно они и сами сбросили бы с себя гнетущие заботы, если бы только могли. И тогда Его голос становится ещё мягче и проникновеннее: «Какую пользу принесут вам все эти мучительные хлопоты? **(27)** Ими вы не можете продлить свою жизнь даже на самую малую меру. Когда вы сделали всё, что в человеческих силах, вам остаётся только ждать, как распорядится Бог. Поэтому лучше оставьте бесплодные раздумья и вместо них доверьтесь Богу. Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе жизни хотя на один локоть?»

Некоторые переводят стоящее здесь греческое слово ἡλικία как «длина тела» или «рост», а не как «продолжительность жизни». Такое значение у него действительно может быть. Но основное значение слова ἡλικία – «возраст», «время», «пора», и именно оно соответствует мысли, которую Иисус хочет здесь выразить: своими тревожными раздумьями мы не можем добиться даже самого малого. Прибавить к своему росту целый локоть было бы отнюдь не малозаметной переменной. То, что время здесь измеряется мерой длины, было для древнего человека столь же понятно, как для нас выражение «отрезок времени».

Тонко и живо чувствуя природу – так, как может чувствовать её лишь тот, кто повсюду в ней и за нею видит Творца и для кого поэтому всё мироздание пронизано дыханием и мыслью Божией, а отдельные его части скреплены тысячами связей, словно золотыми нитями, – Иисус продолжает: **(28)** «Посмотрите на полевые лилии». Имелись ли в виду именно лилии и какого вида, остаётся предметом учёных споров. Вероятно, слово κρίνα не следует понимать слишком буквально, как и встречавшееся выше βρῶσις (см. комм. к ст. 19). Иисус говорит вообще о цветах, которые в изобилии цветут по всей земле. В сколь нежные, прекрасные и пламенеющие одежды, словно из шёлка и бархата, они облачены! «Научитесь у них»: они вовсе не трудятся, ещё меньше, чем птицы, которые всё же сами добывают себе пищу: не занимаются ни тяжёлым, изнурительным мужским трудом – на это указывает греческое выражение κοπιῶσιν, – ни женской работой, прядением. **(29)** Но даже и Соломон, которому служили тысячи человеческих рук, не имел столь великолепного одеяния, как любой из этих цветов. **(30)** Если Бог так одевает траву на поле, назначение которой только цвести, а затем, когда жаркий восточный ветер за одну ночь иссушит её, быть брошенной в печь, – то насколько более Он оденет вас, чьё жизненное призвание столь драгоценно? Если вы этого не понимаете, значит, вы действительно

«маловеры», то есть ещё очень слабы в вере. Спасителю, в человеческой душе Которого вера как доверие Богу была мерилom и движущей силой всего Его земного пути и Который всю жизнь Своих последователей основывает на этой вере, глубоко претят малoverные вопросы: **(31)** «что нам есть? что пить? во что одеться?» Если внимательно читать эту речь, то мы прямо услышим, как Его голос, незадолго перед тем столь мягкий и утешающий, становится строже: **(32)** «Всего этого ищут язычники, не имеющие ни веры, ни Бога, ни неба. Они целиком погружаются в заботу о том, как сделать немногие дни своего земного существования как можно более приятными, – ваш же Небесный Отец знает, что вы имеете нужду во всём этом; поэтому полностью верьте себя Ему».

У того, кто верует в Небесного Отца, в земной жизни есть иные, более настоятельные заботы: **(33)** «Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его». Правда Божия – это праведность, присущая Самому Богу, которую Он дарует верующим в Него (эту мысль развивает апостол Павел, см. Рим. 3:21–22; 5:17; 2 Кор. 5:21; Флп. 3:9). Но и сам верующий человек должен искренне и с усилием искать её, поскольку она составляет единственное необходимое достояние для того, чтобы некогда войти в вечное Царство Божие. «И всё остальное приложится вам». Здесь становится совершенно ясно, к чему призывает Иисус. Он вовсе не запрещает разумно заботиться о пище и одежде. Но все мысли, желания и усилия человека должны быть прежде всего направлены к небу, а всякое иное стремление допустимо лишь в подчинении этой главной, вышеестественной цели, и постольку, поскольку оно содействует её достижению и так или иначе необходимо на нашем пути к ней. Тогда и Бог сохранит этот порядок и чин, эту Свою правду, и приложит нам всё необходимое для земной жизни.

«Ах, если бы мы только могли так жить!» Это сомнение Иисус читает на лицах Своих слушателей, а Его всеведущий дух видит его и в душах столь многих людей всех времён, изнемогающих здесь, на падшей земле. И тогда Его строгость сразу вновь сменяется мягкостью, и Он, исполненный сострадания, снисходит к людям, которые не в силах подняться к Нему. **(34)** «Итак, не заботьтесь, не тревожьтесь о завтрашнем дне. Если вы всё же не можете жить беспечно в детском доверии Богу, то хотя бы не мучьте себя больше, чем необходимо. Довольно с вас тягот сегодняшнего дня. А завтра будет видно, что делать дальше».

Эта прекрасная речь Спасителя, как мало какие другие, позволяет нам заглянуть в Его великий дух и благородную, преисполненную любви душу. Дух Иисуса охватывает время и вечность, естественный мир и вышеестественное, всё творение от

травинки до человека простым, чистым и ясным взором, и всё до последних следствий возводит к Богу, Творцу и Попечителю всего. Его душа тепла и радостна, как солнце, отражающееся в Геннисаретском озере и сияющее в разноцветных чашечках полевых цветов, и вместе с тем исполнена глубокого понимания и сострадания к бедным, привязанным к земле людям, которые не могут вместе с Ним при виде каждой травинки и каждой птички, щебечущей в ветвях, свободно и легко вознести сердце к Богу, Отцу всех. А тем, кто призван к проповедническому служению, Его речь служит образцом, богатство которого невозможно исчерпать. Здесь проповедник учится, с одной стороны, всегда соотносить свои требования к людям с вечными истинами, а с другой – с любовным пониманием человеческих немощей и обстоятельств *быть для всех всем* (1 Кор. 9:22), чтобы целеустремлённо, но при этом и бережно освобождать из-под власти падшей земли угнетённого ею человека и возводить его к Богу.

Критики, понимающие всё лучше Спасителя, задают язвительный вопрос: неужели Иисус не знал о борьбе за существование во всей природе и не замечал, что, например, холодной зимой некоторые птицы замерзают и погибают от голода? Разумеется, Иисус знал это не хуже, чем Его мудрые критики. Но Он не стремился раскрыть устройство мироздания во всех его частностях, а указывал на самую его суть. А этой сутью и во времена Иисуса, и сегодня, и всегда остаётся то, чему мы всё более удивляемся по мере того, как расширяется и углубляется наше понимание природы: во всеобщей борьбе за существование все живые существа, вплоть до самых малых и слабых, наделены столь удивительно тонкими, а иногда, хочется сказать, прямо-таки изощрённо хитроумными приспособлениями, что, несмотря на эту борьбу, задача природы – сохранение и преумножение жизни даже самых слабых видов – осуществляется вполне.

Но здесь есть различие, на которое Сам Спаситель определённо указал. У отдельной птицы нет собственного предназначения. Построив гнездо, отложив и высидев яйца, она исполнила то, для чего живёт. После этого она может упасть с дерева и погибнуть – птичий род продолжает существовать. У каждого же человека есть личная, вышеприродная цель – спасти свою бессмертную душу; и для Царства Божия важна жизнь всякой души (см. Мф. 18:13–14). Потому Иисус и сказал: «не гораздо ли вы лучше их? Если Бог заботится даже о птицах, то тем более Он позаботится о том, чтобы вы достигли предназначенного вам». Это предназначение, конечно, не от мира сего: оно лежит по ту сторону здешнего бытия. Поэтому ни один истинно верующий человек не ожидает от Бога гарантий долгой и безбедной жизни на

земле. Но при этом он несомненно верует, что если прежде всего прочего он ищет Царства Божия и правды Его, то Бог даст ему всё необходимое для поддержания земного существования, пока он не достигнет своей вышеестественной цели.

Первым слушателям этой речи, конечно, было легче, чем нам. О том, насколько щедрой могла быть природа Палестины, дают представление окрестности Геннисаретского озера – необычайно плодородная в те времена равнина, где, по описанию Иосифа Флавия, виноградная лоза, смоковницы, финиковые пальмы, нивы пшеницы и ячменя, а также всевозможные ореховые деревья словно состязались между собой в том, кто первым принесёт плод и кто после плодоношения первым снова зацветёт. Древнему (как, впрочем, и современному) жителю Востока вообще требовалось для жизни гораздо меньше, чем жителям северных стран. Из одежды ему было достаточно хитона, то есть нижней рубахи, и надевавшегося поверх него плаща, который служил также одеялом. Бóльшую часть года он мог проводить под открытым небом, а к жилищу предъявлял настолько скромные требования, что у нас им не удовлетворился бы и самый бедный батрак. Его дом обычно представлял собой совсем небольшую глиняную постройку с крышей из деревянных балок и ветвей, покрытых сверху плотно утрамбованной глиной. В таком доме чаще всего имелась только одна комната, служившая всей семье одновременно спальней, столовой, жилым помещением и кухней. Правда, в домах людей позжиточнее стояли стол, стулья, обыкновенно без спинок, а иногда и диван. Но эта мебель была не так уж необходима: можно было с удобством сидеть и на полу, поджав ноги. Кроватей вообще не знали. Их заменяла расстилавшаяся на ночь циновка или одеяло.

У нас, современных цивилизованных людей, потребности, конечно, гораздо больше и многочисленнее. Это становится очевидно уже тогда, когда собираешь чемодан, чтобы провести всего одну ночь в чужом месте. Наш хозяйственный уклад тоже гораздо сложнее, чем в те времена, когда каждый мог найти работу и хлеб, если только не был слишком ленив. Также и многие из привитых воспитанием и вошедших в нашу привычку потребностей при настоящей нужде оказываются не столь уж и необходимыми. Спаситель обещал нам не беззаботную и удобную жизнь, а лишь самое нужное для неё – на протяжении того времени, когда земное существование требуется нам для достижения нашей вышеестественной цели. Поэтому сам факт, что ты ещё жив, доказывает: Он всякий раз даёт тебе всё действительно необходимое. Если же порой добывать это необходимое становится трудно, и ты часто не знаешь, надолго ли его хватит, то, возможно, что и это есть проявление мудрого и благого Промысла Божия.

Таковы уж мы, люди: пока мы сыты и нам не приходится заботиться о том, как насытиться снова, мы каждый по-своему удобно устраиваемся в этом мире и мало думаем о будущем. Но тот, кто встречается с лишениями и заботами, начинает чувствовать себя здесь, на земле, странником и пришельцем. А это и есть чувство избранных во Христе (1 Пет. 1:1). Они обретают внутреннюю свободу от привязанности к земной жизни со всеми её многочисленными потребностями, радостями и страданиями (1 Кор. 7:31). Они исполняют свой долг, разумно заботясь, трудясь и молясь о хлебе насущном, а затем спокойно предают себя промыслу Божию и принимают от Его руки всё, что придёт (см. «Послание к Диогнету», гл. 5–6). Они твёрдо знают, что *любящим Бога всё содействует ко благу* (Рим. 8:28), но вместе с тем ясно осознают, что это *благо* вовсе не всегда будет совпадать с тем, что с земной точки зрения представляется таковым.